

DOI: 10.31857/S013038640028933-4

© 2023 г. В.П. Любин

ЕЩЕ РАЗ О НЕУДАВШИХСЯ РЕВОЛЮЦИЯХ И РЕФОРМАХ

Рец. на книгу: [НЕ] ЗАКОНЧЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И РЕФОРМЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (опыт США и Европы). М.: ИВИ РАН, 2022. 231 с.

Любин Валерий Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9530-3968

V.P. Ljubin

ON FAILED REVOLUTIONS AND REFORMS ONCE AGAIN

Rec. ad op.: [IN]COMPLETE REVOLUTIONS AND REFORMS: POLITICAL PRACTICE AND HISTORICAL REALITY (THE EXPERIENCE OF THE USA AND EUROPE). Moscow: IVI RAS, 2022. 231 p.

Valerij Ljubin, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9530-3968

В рассматриваемой коллективной монографии затрагиваются темы весьма актуальной научной дискуссии о соотношении войн, революций и реформ. Авторы обращаются к опыту незаконченных революций и реформ в странах Европы и в США. Книга вышла под редакцией докторов исторических наук Е.Ю. Сергеева и Ар.А. Улуяна. Рецензентами выступили д.и.н. В.И. Дамье и к.и.н. А.Э. Титков.

«В сложившейся историографической традиции тема войн, революций и реформ занимает доминирующее положение. ...В этой связи особый интерес представляет реконструкция событий в нескольких странах, судьбы которых были тесно взаимосвязаны с происходившими в России социально-политическими трансформациями», отмечается в предисловии (с. 3). На основе общего понимания взаимообусловленности революций, реформ и войн составители объединили главы в три группы: в первой раскрывается сопряженность динамики социальных трансформаций в Финляндии, Германии и Великобритании, во второй — проблемы американской истории на основе мировых политических процессов, в третьей — речь идет о поиске новой модели реорганизации Австро-Венгерской империи в последний период ее существования.

Раздел «Российское измерение и российский фактор незаконченных революций» открывает глава к.и.н. Т.В. Андросовой (ИВИ РАН) «Финляндия 1918: от парламентской демократии к рабочей демократии». Автор сосредоточивает внимание на переменах позиции партии финских социал-демократов — СДПФ, обладавшей до начала революционных событий 1917 г. в Российской империи большинством в финском парламенте. «25–27 ноября состоялся чрезвычайный съезд СДПФ, на котором так и не удалось договориться: левые призывали к захвату власти, правые — сформировать коалиционное правительство (при условии, что социал-демократам принадлежало бы большинство мест). Лидер центристов Куусинен предложил сделать и то и другое одновременно — сформировать коалиционное правительство и совершить революцию» (с. 17). В результате в январе 1918 г. революционное крыло партии взяло верх над реформистами, 27 января было сформировано революционное правительство, под контролем которого оказался весь юг Финляндии. В применявшихся ими теоретических подходах финские социал-демократы руководствовались положениями К. Каутского и повторяли положения программы Итальянской социалисти-

ческой партии (которую автор ошибочно называет социал-демократической — таковая появилась в Италии лишь в 1947 г.), в свою очередь заимствованных из Эрфуртской программы СДПГ 1891 г. Т.В. Андросова считает, что «отчасти можно говорить о привнесенном характере финляндской революции, обусловленном географической близостью Финляндии к России и прежде всего присутствием российских войск, число расквартированных военных достигало 100 тысяч» (с. 20). К началу Гражданской войны в стране численность вооруженных красногвардейцев составляла не более 1 тыс., правительственных войск под командованием К.Г. Маннергейма — около 5 тыс. человек. К началу немецкой интервенции в апреле 1918 г. «красные фактически были морально сломлены» (с. 25). Потерпевшая поражение «финляндская революция 1918 г. была рабочей революцией, свершившейся во имя идеальной буржуазной демократии, в которой рабочие должны были занять положение ведущего общественного класса, без экспроприации собственности и без установления диктатуры пролетариата» (с. 25). Впоследствии финские коммунисты указывали на теоретическую и тактическую слабость СДПФ и отсутствие единства в партийном руководстве, обусловившие поражение революции.

После нескольких теоретических пассажей о том, возможно ли профессиональным историкам обращаться к альтернативной истории, в главе «Младшая сестра Великой российской революции (Германия в 1918–1923 гг.)», принадлежащей перу д.и.н. А.В. Шубина (ИВИ РАН), дается сравнительно-исторический анализ двух революций — Великой российской 1917 г. и «ее младшей сестры» — Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. Сфокусировав внимание на 1917–1923 гг., автор замечает: «Присмотревшись к общему и особенному революций в России и Германии, начавшихся на излете Первой мировой войны, мы сможем лучше понимать развилки событий, а также то, что роднит и разделяет пути Германии и России на гораздо большем протяжении, чем 1917–1923 годы» (с. 30). На основе тогдашних теоретических подходов марксистской мысли «Германия была готова к переменам лучше России. На практике развитость капитализма обернулась большей прочностью» (с. 31). Справедливо указывается, что «у Германии и России была разная степень индустриализации», там завершался процесс перехода к индустриальному городскому обществу, а в России с ее 97 млн крестьянского населения, согласно переписи 1897 г., он находился на пике. В Германии из ее 56,3 млн населения в 1900 г. пролетариев и полупролетариев было 35 млн (67,5%), а в России жители городов в 1897 г. составляли 13,4% населения, в 1913 г. цифра пролетарских и полупролетарских слоев составляла 17 млн. В России революция произошла в связи с военными тяготами, но без военного поражения, в Германии и Австро-Венгрии она началась в связи с приближением военного поражения.

В числе других сравнений в данной главе не слишком правомерным выглядит сравнение Социал-демократической партии Германии, старейшей партии в Европе, в 2023 г. отметившей свое 160-летие, и уже тогда, в 1917–1923 гг., обладавшей разветвленными структурами, постепенно укоренившимися в обществе, с партией эсеров в России с «примкнувшим» к ней Керенским, которая подобными позициями в российском обществе не обладала, а русское крестьянство, от имени которого она пыталась выступать, в большинстве своем ее игнорировало. Но сравнительный анализ позиций верхних слоев общества и в Германии, и в России получился убедительным. Ощутим отход от прежних историографических подходов, когда со значительным перевесом над остальными моментами прояснялись лишь позиции нижних слоев общества, чьи волнения и выход на улицу и привели к революциям в России 1917 г. и в Германии 1918 г., а также попытки оседлать эти народные движения со стороны политических сил, что и удалось сделать российским большевикам и умеренным немецким социал-демократам. Современные политологи или сторонники модных ныне междисциплинарных подходов в общественных науках упрекнули бы автора еще и в недостаточном сравнении политической культуры в рассматриваемых странах.

«Россия в феврале 1917 — январе 1918 г. и Германия в ноябре 1918 — январе 1919 г. идут очень близкими путями, демонстрируя множество важных общих черт. Затем пути расходятся, но становятся параллельными на некотором расстоянии» (с. 56). С весны 1919 г. по истории Германии можно было бы изучать историю России, если бы там сохранилась власть Керенского и его преемников «с тем же политическим курсом — без Октябрьского переворота и разгона Учредительного собрания» (с. 56). И советский, и веймарский режимы в начале существования столкнулись с локальными очагами вооруженного сопротивления своей власти.

Заканчивается сравнительный анализ революций в двух странах размещением событий по некоей цифровой шкале, по которой читателю предлагается «рассмотреть общее и различное в процессе двух революций “сестер”» (с. 62). В целом подход автора к сравнительному историческому (а не навывшему оскому на рубеже XX–XXI вв. политологическому) освещению и анализу двух революций и их последствий для национальной, европейской и мировой истории довольно оригинальный и требующий продолжения дискуссии. Хотелось бы, чтобы сам автор или кто-либо из возможных оппонентов добавил к этой картине внутривнутриполитических сравнений еще и внешнеполитический аспект и успешное заключение в 1922 г. договора-сюрприза в Рапалло между двумя государствами, ставшими после Первой мировой войны и революций в них (как в западной литературе в начале XXI в. принято говорить в отношении некоторых других стран) «изгоями», но нашедшими общий язык и развивавшими

экономические и прочие необходимые по тем временам взаимовыгодные отношения.

В главе д.и.н. Е.Ю. Сергеева (ИВИ РАН) «Письмо Зиновьева» британским коммунистам 1924 года: современный взгляд» подробно на основе свежих архивных находок автора и других историков анализируется история знаменитой «провокации» 1924 г., испортившей надолго отношения между СССР и Англией. Речь идет об инструктивном письме Коминтерна, направленном в Лондон с целью продвинуть «мировую революцию» на Британские острова, дискредитировать и свергнуть существующее правительство. Заключительный этап развития данного сюжета наступил в результате деятельности уже второй правительственной британской комиссии по расследованию происхождения «письма Зиновьева», образованной 12 ноября 1924 г. во главе с министром иностранных дел О. Чемберленом, пишет Е.Ю. Сергеев (с. 76). Согласно ее заявлению, «письмо Зиновьева» оказалось подлинным. Об этом англичане известили советское правительство. Дипломатические сообщения из Лондона вызвали у Г.В. Чичерина приступ паники, он заявил на заседании Политбюро партии, что на повестке дня военный конфликт с Британией. Г.Е. Зиновьев же все отрицал. Вместе с председателем ВЦСПС М.П. Томским, принявшим представителей английских тред-юнионов, они называли данный документ «фальшивкой». Далее автор представляет читателю реальную картину событий, основанную как на официальных, так и частных расследованиях на протяжении последующих десятилетий. Автор приходит к выводу, что эпизод с «посланием Коминтерна» 1924 г. впервые с такой ясностью обнаружил уровень воздействия спецслужб обеих стран на политиков и дипломатов в процессе принятия ими решений (с. 92).

Во введении к разделу «Американский опыт революции и американская политика в отношении российских революций» справедливо констатируется, что контакты между Кремлем и Белым домом на протяжении десятилетий определяют общий характер системы международных отношений (с. 93). В главе «Война, революция, интервенция: взгляд американских современников» к.и.н. М.М. Сиротинская (РГГУ) предприняла попытку на основе документальных источников — протоколов Конгресса США и американских газет из Библиотеки Конгресса — выявить восприятие американцами венгерского и других освободительных движений, связанных с революциями 1848 г. и их последствиями в странах Европейского континента. Реальной помощи европейским демократам не оказали, но вопрос о допустимости вмешательства США в дела Старого Света был впервые поставлен в середине XIX в., заключает автор (с. 116). Следующая глава «К вопросу об особенностях эволюции российско-американских отношений накануне Февральской революции 1917 г.», автор д.и.н. В.К. Шацилло (ИВИ РАН), анализирует сложные отношения двух

стран в начале XX в. Хотя во время Первой мировой войны экономические связи между государствами наладились, политические отношения «оставались холодными вплоть до падения царизма» (с. 117), в них явно прослеживался дефицит доверия. Мало кто в феврале 1917 г. мог предсказать, что «русский вопрос» станет одним из самых краеугольных в американской внешней политике (с. 128). В главе «Вудро Вильсон, союзники и идея “большого похода” против большевиков в 1918 г.» д.и.н. С.В. Листиков (ИВИ РАН) представляет разные подходы и разногласия союзников по Первой мировой войне по «русскому вопросу» в связи с планами лета-осени 1918 г. интервенции в Россию, объясняет причины отказа Вильсона от идеи насильственно свергнуть большевиков при вторжении иностранных армий.

В предисловии к разделу «Австро-Венгрия и Германия: Первая мировая война и несостоявшиеся реформы Центральных империй» отмечается, что международный кризис, приведший к началу Первой мировой войны, вызывает долгие дискуссии среди историков о виновниках этой глобальной катастрофы, и историки-международники продолжают обсуждать последствия войны и причины недолговечности Версальско-Вашингтонского международного порядка (с. 153). К.и.н. А.С. Стыкалин (Институт славяноведения РАН) в главе «Национальная политика в Венгрии эпохи австро-венгерского дуализма и эволюция политической линии румынского национального движения в Трансильвании в канун эпохи войн и революций» отмечает, что создание двуединой монархии в 1867 г. привело к устранению автономии Трансильвании и нанесло удар по румынскому национальному движению края. После гибели сторонника реформирования Австро-Венгерской империи, наследника престола Франца-Фердинанда, местные румынские политики надеялись, что Бухарест присоединит Трансильванию к королевской Румынии (с. 155–189). В следующей главе «В тылу Австро-Венгерской империи: поиск нового государственного устройства и социальной реальности» д.и.н. С.А. Романенко (ИНИОН РАН) обращается к сложному периоду национального самоопределения словенцев, хорватов и сербов в ходе Первой мировой войны, когда в южнославянских землях усилились дезинтеграционные процессы и начался поиск новых форм социальной реальности (с. 190–207). В завершающей книгу главе «Первая мировая война в судьбах Германии и Австро-Венгрии (1914–1919 гг.): некоторые дискуссионные вопросы» к.и.н. И.А. Кукушкина (ИВИ РАН) пытается, как и А.В. Шубин, провести сравнительный анализ, в данном случае влияния войны на Германию и Австро-Венгрию, и считает, что при имевшейся системе международных союзов война была неизбежна. По ее мнению, идущему вразрез с мэйнстримом в прежних и недавних трудах историков

Первой мировой войны¹, поиски виновников развязывания войны являются бесперспективными, так как в каждой из стран-участниц была как «партия войны», так и ее противники. Завершивший войну Версальский мир привел Гитлера к власти, а планету ко Второй мировой войне, справедливо констатирует автор (с. 208).

Монография, несомненно, вызовет интерес как специалистов в области международных отношений и региональной истории, так и широкого круга читателей, не равнодушных к истории России и ее западных соседей.

Библиография / References

Первая мировая война: современная историография / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

Pervaaia mirovaia voina: sovremennaia istoriografiia [The Second World War: the modern historiography] / ed. V.P. Ljubin, M.M. Mints. Moskva, 2014. (In Russ.)

¹ См., например: Первая мировая война: современная историография / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

DOI: 10.31857/S013038640028934-5

© 2023 г. Л.Я. Прокопенко

НОВОЕ СЛОВО В ИСТОРИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФЕНОМЕНА НАЦИИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

Рец. на книгу: Д.М. Бондаренко. ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ НАЦИИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 400 с.

Прокопенко Любовь Ярославовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия).

E-mail: skole60@mail.ru

Scopus Author ID: 57210842534; ORCID: 0000-0002-1121-8828

L.Ya. Prokopenko

NEW IDEAS IN THE HISTORICAL ANALYSIS OF THE NATION PHENOMENON IN THE POST-COLONIAL COUNTRIES OF ASIA AND AFRICA

Rec. ad. op.: D.M. Bondarenko. POST-COLONIAL NATIONS IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT. Moscow: LRC Publishing House, 2022. 400 s.

Lyubov Prokopenko, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: skole60@mail.ru

Scopus Author ID: 57210842534; ORCID: 0000-0002-1121-8828

Монография заместителя директора Института Африки РАН члена-корр. РАН Д.М. Бондаренко «Постколониальные нации в историко-культурном контексте», посвящена исследованию феномена нации сквозь призму историко-культурного подхода.

Структура и организация текста этого фундаментального научного труда отвечает самым высоким требованиям. Автор системно и на высоком теоретическом уровне представляет широкий спектр теоретико-концептуальных оснований изучения и интерпретаций наиболее распространенных классификаций и типологий теорий наций и национализма. Исследуются различные парадигмы в из-

учении (в том числе альтернативные), институты, структуры и факторы развития нации в Старом и Новом Свете. При этом подача материала позволяет в логично обоснованном порядке проследить проблемы становления и развития наций в странах Азии и Африки, в том числе на междисциплинарном уровне. Монографию отличает строгая логичность, аргументированность и хороший литературный язык. Четкость подачи материала свидетельствует о глубоком владении автором темой, которой он занимается длительное время, о чем свидетельствует внушительный перечень его работ в списке литературы.